

А.А. Курышева

к.э.н., старший научный сотрудник, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И ПРАГМАТИСТСКИЙ ПОДХОД¹

Аннотация. Институциональная экономическая теория в значительной степени опирается на идеи и концепты, возникшие в философии прагматизма Ч. Пирса и Дж. Дьюи. В статье раскрыта специфика исследовательского подхода институциональной школы через призму соответствующих ему понятий: приведены ключевые для институциональной экономической теории определения институции, института, сообщества; обозначена связь социально конструируемой природы институций с дискурсивным подходом; выявлена роль научных понятий и концепций как инструментов мышления; обоснована ориентация институциональной школы на решение практических социальных проблем. С точки зрения одного из основоположников институциональной школы Дж. Коммонса, наиболее важной характеристикой человеческого поведения для учёных-обществоведов выступает его свойство принимать форму привычного действия. Объединяет участников экономических взаимодействий не столько личный интерес, сколько заведённый институциональный порядок. Возникновение институциональной школы означало появление новой онтологической области в экономической дисциплине. Институции представляют собой источник закономерностей во взаимодействиях между людьми, включёнными в те или иные сообщества. Обнаружение и объяснение институций составляет содержание социально-экономических исследований. Применение как качественных, так и количественных методов предполагает дискурсивный подход и интерпретативный анализ фактического материала. Опираясь на философию практического опыта, институционалисты рассматривают понятия и концепции, используемые людьми, как инструменты, которые позволяют решать определённые задачи. Той же цели, а именно, разрешению социально-экономических проблем, служат прикладные исследования.

Ключевые слова: *институциональная экономическая теория, прагматизм, прикладное исследование, дискурсивный подход, институция, институт.*

JEL: A11, A20, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_89_101.

Введение

Почти сто лет прошло с тех пор, как Дж. Коммонс задавался вопросом о предметной области институциональной экономики. «Сложность определения предметной области так называемой “институциональной экономики” обусловлена расплывчатостью термина “институт”. Иногда представляется, что институт обозначает систему законов или естественных прав, в рамках которых индивиды действуют. В других случаях кажется, что под институтом понимается поведение самих этих индивидов. Подчас эпитетом “институцио-

¹ Автор выражает благодарность В.В. Вольчику, В.М. Ефимову, участникам VII Международной научной конференции “Институциональная трансформация экономики: человек и социум” (ТГУ, Томск), а также анонимному рецензенту за предложения по улучшению текста.

нальный” характеризуется нечто, что либо дополняет классическую или гедонистическую экономическую теорию, либо противоречит ей. Иной раз всё, что относится к “экономическому поведению”, трактуется как институциональное. Наконец, когда нечто трактуется с точки зрения “динамики” в противоположность “статике”; “процесса” в противоположность “товару”; деятельности в противоположность чувствам; массового действия в противоположность индивидуальному действию; управления в противоположность равновесию; контроля вместо принципа *laissez faire*, — такой подход объявляется институциональным» [Коммонс, 2012. С. 69–70; *Commons*, 1931. P. 648].

Проблематика, которую затрагивает эта цитата, сегодня по-прежнему значима [Hodgson, 2000; Hodgson, 2019]. Прояснить поставленные Дж. Коммонсом вопросы помогает история институциональной школы, которая возникла как адаптация и развитие идей прагматистов Ч. Пирса и Дж. Дьюи применительно к экономической науке [Hodgson, 2004; Johnson, *Onwuegbuzie*, 2004]. В отечественном академическом сообществе экономистов не принято акцентировать внимание на этом важном факте. Философия прагматистов обсуждается в основном в рамках гуманитарных дисциплин (см., например, [Вольф, Косарев, 2018]), а публикации экономистов на эту тему редки (см., например, [Олейник, 2021]).

История институциональной экономической мысли подробно освещена в зарубежной литературе, как в части как философских и методологических основ [Hodgson, 2004; Stanfield, 1999; Майровски, 2012; 2013а; 2013б], так и исследовательских практик [Резерфорд, 2012а; 2012б; *Institutional Economics...*, 2022]. В отечественной научной традиции вопросы о предмете, методе и возможностях институциональной экономики ставятся не первое десятилетие (см., например, [Вольчик, 2003]). Но даже те учёные, которые посвятили институционализму всю свою профессиональную деятельность, практически не затрагивают вопроса его философских основ, равно как и проводившихся институционалистами прикладных исследований, социальной значимости результатов этих исследований и их влияния на проводимую государственную политику. Как правило, отечественные учёные ограничиваются обсуждением определённого довольно узкого круга методологических предпосылок в специфическом контексте различий между «старой» и «новой» институциональной теорией, как, например, в работе [Вольчик, Оганесян, 2014]. В ходе этих обсуждений изначальный смысл понятия институции всё больше размывается. Некоторые авторы пытаются изобретать собственные «расширительные» трактовки институциональной теории [Frolov, 2021; Фролов, 2021].

Между тем институциональная экономика зародилась и развилась как острая негативная реакция на увлечённость умозрительными построениями в ущерб эмпирическим исследованиям. Руководствуясь принципами философии прагматизма, институционалисты адаптировали понимание неразрывной взаимосвязи между разумом и действием, что выразилось в отрицании некоторых распространённых противопоставлений, таких как дихотомия между теорией и практикой [Dewey, 1929; Gruchy, 1947]. Задача экономической науки, по Дж. Коммонсу, состоит в решении конкретных социально-экономических проблем. В отрыве от этих проблем и контекста реальных экономических процессов совершенно бессмысленно устраивать полемику, псевдофилософские споры о методах «вообще» и понятиях «вообще». Экономическая наука призвана быть не областью схоластического теоретизирования, а областью исследования проблемных ситуаций на основе фактов [Gruchy, 1947. Pp. 155–158].

В нашей статье мы пытались показать специфику исследовательского подхода институциональной школы через призму соответствующих ему понятий. В тексте приведена этимология ключевых для институциональной экономической теории определений (заведённого порядка, институции, института, сообщества); обозначена связь социально конструируемой природы институций с дискурсивным подходом; обоснована роль научных понятий и концепций как инструментов мышления; раскрыта ориентация институциональной школы на решение практических социальных проблем.

Понятие институции

Основоположник прагматизма Ч.Пирс обнаружил, что привычки, которые он обозначал как «правила действия» («*rules of action*»), основаны на убеждениях, сформированных в результате прошлых процессов — исторических и культурных [Пирс, 2000]. Согласно Дж. Коммонсу, родоначальнику институциональной экономики, наиболее важная характеристика человеческого поведения, которая призвана занимать учёных-обществоведов, — это его свойство принимать форму привычного действия. В этой связи актуализируется одно из центральных понятий Дж. Коммонса — «*going concern*»: в русской литературе закрепились традиция переводить его как «действующее предприятие». Помимо такого понимания Коммонсом используется и другое. Этот термин обозначает процесс, в который вовлечены люди с их интересами. Каждый из нас уже с рождения включён в какой-то заведённый порядок, состоящий из множества регулярно воспроизводимых, повторяющихся взаимодействий, как и в определённую среду социально санкционированных обычаев и привычек. Именно эта включённость, с одной стороны, фокусирует деятельность и ограничивает её направление, а с другой стороны, позволяет обеспечить свободу, собственность, и сделать саму жизнь легче и безопаснее [Gruchy, 1947. P. 161]. Силой, объединяющей участников сообщества в экономическом смысле, выступает не столько личный интерес, сколько как раз заведённый институциональный порядок [Commons, 1934]. В этом смысле изучение экономики и не может быть никаким иным, кроме как ориентированным на динамику взаимодействий и тенденции их развития.

Вопрос источника закономерностей, изучаемых той или иной наукой, относится к области онтологии. Первые институциональные экономисты открыли, что для экономики, так же, как и для любой общественной науки, этим источником являются институции (*institutions*). Прагматистское понимание институции предполагает её трактовку как «социальной привычки», или опривыченной, взаимно типизированной участниками определённого сообщества социально-экономической практики, в основе которой — укоренённые ценности, убеждения и стереотипы. Преодоление традиционной для мейнстримной экономической теории дихотомии между разумом и телом позволяет интерпретировать институцию как распространённый образ мысли и действия [Veblen, 1922]. Таким образом, возникновение институциональной экономики означало зарождение новой онтологической области в экономической науке. Этот факт позволяет аргументировать избыточность споров по поводу изобретения дополнительных эпитетов к термину «институционализм», таких как «старый» или «оригинальный», для идентификации институциональной экономики как традиции экономической мысли; ведь появившееся позже неинституциональное, или новое институциональное, направление уже не имело отношения к историко-философским корням исходной школы. Того же мнения придерживаются историки, изучающие американскую институциональную мысль [Расков, 2019].

В естественных науках источники закономерностей — это физические законы, законы материального мира, и они одинаковы для всех людей на планете. А вот понятие институции приобретает смысл в контексте каких-то сообществ людей, потому что базируется на разделяемых этими людьми смыслах взаимодействий. Это было революционное положение для экономической науки того времени. Немецкая историческая школа Г. Шмоллера, или этическая школа, как они сами себя называли, пришла к тому же открытию, что и американские институционалисты, независимо от них [Ефимов, 2016]. Для того, чтобы это стало возможным, достаточно было отказаться от предпосылки дихотомии между разумом и телом, между теорией и практикой.

Итак, исследовательским фокусом для институциональной экономики стали эмпирически проявляемые опривыченные в рамках определённых сообществ правила взаимодействий между членами этих сообществ, иными словами — взаимно типизированные

поведенческие практики, которые по своей природе историчны и культурно-специфичны. В этой связи утрачивает смысл словосочетание «формальная институция». В то время как правила могут оставаться закреплёнными только на бумаге, т.е. формально, институция — это по определению то, что уже подверглось опривычиванию среди участников групп или сообществ, укоренилось в той или иной степени во взаимодействиях между ними. Предметом социально-экономических наук служат именно укоренённые привычки мышления, проявляющиеся в действии. А их освоение и взаимная типизация происходят в процессе общения, опосредуемого речью.

Между понятиями институции (*institution*) и института (*institute*) существует разница, которую Коммонс описал так: «Все экономические теории проводят различие между деятельностью и её результатами. Известный пример — “производство” и “продукт”. То же касается и институциональной экономики. Указанное разграничение отражается понятиями “институция” и “институт”. Институция представляет собой коллективное действие по контролю индивидуального действия. А институты — результаты этого контроля. То, что принято называть институциями, правильнее было бы обозначить как институты. Институты включают права, обязательства, свободы, даже ограничения, обусловленные свободами других людей, а также длинный перечень, включающий кредиты, долги, собственность, деловую репутацию, законное платёжное средство, корпорации и т.д.» [Commons, 1936. P. 247, ft. 14]

Перевод этой статьи Коммонса в одном из российских журналов был опубликован в 2007 г. [Коммонс, 2007]. Понятия институции и института в нём даны противоположно приведённым здесь определениям, т.е., по сути, переставлены местами. Произошло это потому, что в процессе перевода обнаружилось: Коммонс понимает под «*institution*» коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия [Commons, 1931; Коммонс, 2012]. К тому времени в русскоязычном научном дискурсе уже успел закрепиться термин «институт», английским эквивалентом которого по смыслу было бы, скорее, слово «*institute*» (оно тоже существует в английском языке и широко используется). И тогда переводчик и научный редактор перевода приняли решение последовать уже сложившейся в российском академическом сообществе конвенции и перевести коммонсовский термин «*institution*» так, «как принято», а именно — «институт», хотя точнее было бы перевести как «институция». Данная статья Коммонса оказалась достаточно востребованной: в базе РИНЦ она собрала 65 цитирований, в библиометрической базе Google Scholar — 134 цитирования. Однако неточность переводчика и научного редактора в определении института и институции осталась незамеченной русскоязычной читательской аудиторией. Среди отечественных учёных лишь О.В. Иншаков в серии своих публикаций уделил внимание разграничению понятий институции и института [Иншаков, 2007]; дальнейшего развития эта идея не получила. В англоязычной традиции в качестве общепринятого закрепился, наоборот, термин «*institution*», т.е. «институция». Происхождение обоих слов — латинское. Передать соотношения между указанными понятиями можно следующей таблицей.

Таблица

Этимология и соотношение понятий институции и института

Лат.	Англ.	Рус.	Этимологическое значение
Institutio	institution	институция	Образ мысли, опривыченный и укоренённый, отражаемый во взаимодействиях; «социализированная практика»
Institutum	institute	институт	Результат «социализированной практики»

Источник: составлено автором на основе [Veblen, 1922; Commons, 1936; Иншаков, 2007].

Отметим, что понимание института, близкое к прагматистскому, вопросы связи между «правилом» и «действием», формальными и неформальными институтами, ограниченности и внутренней противоречивости «неинституционального» определения института, многие годы остающееся общепринятым в среде экономистов, и даже призыв вернуться к исходной институциональной традиции — всё это характерно для дискуссий, в которых, помимо экономистов, участвуют социологи².

Дискурсивный подход

Специфика предмета всегда предполагает определённую эпистемологию и метод. Именно неразрывная связь понятия институции с понятием сообщества означает, что взаимодействия между людьми контекстно зависимы и исторически обусловлены. Понять и объяснить институции, просто наблюдая социально-экономические взаимодействия со стороны, мы не можем. Такое стороннее наблюдение может поставить нас в тупик. Типичной иллюстрацией служит упомянутое исследование Вебленом [Veblen, 1922] практик потребления современного ему «праздного» класса — почему покупки людей сопровождаются, казалось бы, растратой и слабо увязываются с представлениями о рациональности? Возникает необходимость истолкования наблюдаемых взаимодействий с учётом знания о стоящих за ними мотивах и ценностях, о смыслах, разделяемых самими их участниками. Иными словами, отталкиваясь от того, чья «рациональность» имеется в виду, и каков контекст поведения. В отличие от объектов неживой природы, люди могут говорить. Знание об институциях и стоящих за ними стереотипах, мотивах, ценностях, убеждениях выявляется и передаётся в дискурсах, которые как раз требуют интерпретативного анализа. В ходе разговора, задавания вопросов мы воздействуем на собеседника и пытаемся получить реакцию, которая в словесной, речевой форме отражает предмет нашего исследовательского интереса. Это тождественно прямому контакту исследователя с объектом исследования в естественных науках, только воздействие на материальные объекты осуществляется физическими, а не вербальными методами. Получаемые из разговоров с информантами сведения переводятся в тексты, подлежащие анализу. В качественных исследованиях, таким образом, текстовый материал служит аппроксимацией опыта [Guest Namey, Mitchell, 2013. P. 3].

Описанная схема исследования характерна для социально-экономических наук, но в действительности она воспроизводит и естественнонаучные практики. Задача учёного-естествоиспытателя состоит в обнаружении закономерностей физической природы, но не путём отстранённого наблюдения, а с помощью эксперимента, который предполагает активное воздействие на исследуемый объект. Именно такое воздействие даёт возможность получить представление о свойствах объекта. В социально-экономических науках учёный добывает знание об исследуемой реальности, используя включённое наблюдение, исследование действием, интервьюирование разной степени формализации, прочие методы качественных исследований, сосредоточенные на выявлении распространённых поведенческих практик. Главным при этом является то, что межличностные взаимодействия опосредуются речью. Исследователь в прямом смысле воздействует словами и получает реакцию, причём в естественном для изучаемых сообществ окружении («*in naturalistic settings*» [Johnson, Onwuegbuzie, 2004. P. 20]), а именно, в определённых исторических и культурных условиях. Это и выступает для прагматистов способом выявления искомых законо-

² См., например: *Понятное дело!.. 9 декабря в Вышке состоялась семинар “К новой аксиоматике социальных наук: что не так с понятием «института» в институциональной экономике”*. <https://www.hse.ru/news/science/5018144.html> (дата обращения 25.12.2021).

мерностей — институций, то есть аналогом эксперимента, осуществляемого с объектами неживой природы.

В последнее время в отечественном сообществе учёных-экономистов активизировались дискуссии о различиях понятий дискурсивного и нарративного анализа. На наш взгляд, эта оппозиция несколько надуманная и искусственная, если говорить именно о практике экономических исследований. Дискурс представляет собой речевой акт в привязке к говорящему и с учётом социокультурного контекста³. Нарратив тождественен повествованию и входит в состав дискурса [Обдалова, Левашкина, 2019]. Область исследований, изучающая влияние нарративов на экономику, была популяризирована Р. Шиллером и названа термином «*narrative economics*». Шиллер описывает её как изучение «распространения и динамики популярных нарративов, историй, в особенности связанных с интересами и эмоциями людей, их изменения во времени для понимания колебаний (*fluctuations*) в экономике» [Shiller, 2017. P. 967]. Для исследователей-экономистов не имеют значения тонкости строгих определений дискурса и нарратива. По этой причине в настоящем тексте не затрагиваются и вопросы различий между дискурсивным анализом и нарративным анализом как техниками обработки собранных исследователями данных. Ключевое для институционального исследования — понимание того, что фиксируемые тексты содержат распространённые убеждения, образующие основу институционализированных практик [Ефимов, 2016].

У статистических данных своя роль: они указывают на определённые социально-экономические проблемы. Количественные характеристики человеческих взаимодействий — это всегда результат прошлых событий, то, что уже сложилось к этому времени. Однако сами по себе цифры не дают нам понимания о причинах, о том, что стоит за этими взаимодействиями. Исследователь так или иначе вовлечён в исследовательский процесс, и это предполагает как интерпретацию данных количественного и качественного характера, так и морально-этическую позицию.

Показатели, рассчитываемые на основе статистики, не более объективны, чем данные, получаемые с помощью опросов, интервью, наблюдений и прочих качественных методов. Данные обоих типов требуют своей интерпретации. Количественные показатели всегда имеют свою методику расчёта, в зависимости от целей тех людей, которые составляют эти методики.

В свою очередь, статистические тенденции служат эмпирическим отражением укоренённых институций, и в этом смысле ценностные оценки — это, согласно другому основоположнику прагматизма, Джону Дьюи, эмпирически наблюдаемые поведенческие схемы, модели, образцы поведения. В таковом качестве они и могут изучаться. Иными словами, ценностные установки вовсе не являются ненаблюдаемыми; их можно наблюдать эмпирически, и предположения относительно них поддаются эмпирической проверке [Dewey, 1939. Pp. 51, 58].

В этом положении отражается дискурсивная природа социально-экономических взаимодействий, и этим определяется особенность метода: или, как ещё говорят, интерпретативной, или конструктивистской, исследовательской парадигмы. В литературе подчёркивается тесная взаимосвязь между исследовательскими традициями прагматизма и современного социального конструктивизма [Goldkuhl, 2012]: и та и другая традиции рассматривают институции фактически как источник закономерностей во взаимодействиях между людьми — участниками тех или иных сообществ. Содержание социально-экономических исследований составляет обнаружение и объяснение институций. Конструктивистская парадигма стала общепринятой в гуманитарных науках и социологии [Улановский, 2006],

³ Более привычным пониманием категории «дискурс» является всё же не отдельный «речевой акт», но совокупность таких актов и/или текстов, посвящённых одной и той же теме. — Прим. ред.

но оказалась вытеснена из экономической дисциплины. Фактически исследовательская программа исходного институционализма обосновывает равную степень важности как качественных, так и количественных методов исследования в зависимости от исследовательских целей и задач. Приоритетна при этом возможность вернуть действующие институты в сферу экономического анализа и проследить их эволюцию в процессе институциональных изменений. Экономические и прочие социальные системы с точки зрения исходного институционализма подлежат изучению как деятельность, как процесс — что позволяет дать детальное описание этой деятельности, понять её характер, ответить на вопрос, как она осуществляется и почему. Так получается «насыщенное описание» («*thick description*») исследуемой сферы с точки зрения укоренённых институций. В рамках исходного институционализма в традиции Дж. Коммонса использовались методы включенного наблюдения, глубинных интервью, анкетирования, исследования действием. Примерами выступают исследования Коммонсом со своими учениками рынка труда [Резерфорд, 2012а, Резерфорд, 2012b] и обувной промышленности [Whalen, 2022]. Аналитическая традиция «заземлённого теоретизирования» («*grounded theorizing*») или теоретизирования, основанного на фактах, сделала актуальными индукцию, а также абдуктивную логику при проведении полевых исследований. Эти методы широко применяются в области современных социально-экономических наук в самых разных дисциплинах, от социологии и политических наук до менеджмента и бизнес-исследований, однако по-прежнему остаются едва ли не чем-то маргинальным для экономического мейнстрима.

Инструментальное назначение научных понятий и концепций

Ч. Пирс, считающийся основателем семиотики, ввёл в науку риторическую проблематику и идею диалогичности мышления. На этой основе Т. Веблен построил свои наблюдения институционализированных практик показного расточительства и праздного досуга, получившие отражение в уже упомянутой работе «Теория праздного класса. Экономическое исследование институций». Другое произведение, «Экономическая теория женского платья», Ф. Майровски [2013b. P. 78] назвал выражением силы (*tour de force*) пирсовской семиотики. Предметы воспринимаются нами как знаки, смыслы которых разделяются окружением, и которые позволяют самовыразиться за счёт обладания ими. Этим подчёркивается и роль разума как активного изобретателя смыслов.

Дж. Дьюи связывает процесс взаимодействия людей, то есть общение, с передачей «общего» («*common*»), а именно, накопленного опыта, и возникновением сообществ [Дьюи, 2000. С. 9]. Само слово «сообщество» («*community*») становится одним из ключевых понятий прагматистского подхода. Слово это однокоренное со словом «общение» («*communication*»). Общение обуславливает распространение и укоренение определённых разделяемых ими людьми убеждений, которые, подобно клею, объединяют участников сообществ и служат основой для формирования правил-привычек. Процессу общения Дьюи отводит настолько важную роль, что связывает становление личности и общественной морали с тем, в какой мере человек общается и ассоциирует себя с другими [Вольф, Косарев, 2018]. Форма общения может быть разной, люди даже могут не быть физически рядом, но разделяемые убеждения и интерпретация смыслов способны объединять их. Таким образом проясняется функциональная роль и значение речи как способа коммуникации.

Эпистемологические принципы исходного институционализма предполагают тесную взаимосвязь между названием явления, его смыслом и инструментальными характеристиками, с совокупностью практических эффектов, к которым оно ведёт или могло бы вести [Майровски, 2013а]. Также подразумевается, что оценка идей не может не учитывать их эмпирические и практические последствия [Johnson, Onwuegbuzie, 2004. P. 17]. Понятия,

которыми мы пользуемся, служат инструментами, которые позволяют нам совершать определённые действия и решать проблемы, с которыми мы сталкиваемся. Наши мысли и разделяемые смыслы, которые создают контекст взаимодействий, связаны с разумным общественным поведением и с институционализированными сетями знаков, опосредующих такое поведение [Гаррета, 2015. Р. 11]. Одной из привычек сообщества учёных-экономистов, против которой возражали институционалисты в этом контексте, было «бесконечное жонглирование статичными понятиями» [Gruchy, 1947. Р. 161]. Интересно, что эта же привычка, но уже относительно самих представителей институционализма, обыгрывалась отечественными учёными издавна. Так, в своей статье 2003 г., в рамках научной дискуссии с В. Вольчиком, О. Мамедов иронически замечает: «... с позиций институционализма экономические процессы ... есть результат взаимодействия неких “структур” и неких “институтов” ... Отсюда в совсем ином, в непривычном виде предстаёт объект экономики: экономика — ... система структур и институтов» [Мамедов, 2003. С. 116–117].

В не меньшей степени проблематика терминологического очищения языка профессиональных экономистов важна и сегодня. Дж. Ходжсон подчёркивает решающее значение используемых исследователем терминов для институционального анализа и отмечает, что при отсутствии работающих (*workable*) определений наука далеко не уйдёт [Hodgson, 2019. С. 207]. Можно с уверенностью утверждать, что в равной степени нежелательно и чересчур расширительное использование того или иного термина, которое может нивелировать ценность соответствующей концепции как аналитического инструмента. Нередки случаи, когда концепции или термины, которые привлекают внимание, подхватываются научным сообществом как «красивые метафоры» и воспроизводятся по инерции без особой критической рефлексии [Верников, 2020].

Примером такого «некритически подхваченного» определения является обозначение Д. Норта институций как «правил игры», а организаций как «игроков». С лёгкой руки Норта эта метафора вошла и укоренилась в научном дискурсе, ею стали злоупотреблять, используя как расхожую дефиницию. Однако, как показывает Дж. Ходжсон, в личной переписке Норт указал на то, что обозначение организаций как «игроков» было использовано им лишь в качестве аналитической абстракции макроуровня [Hodgson, 2019], то есть его вовсе не следует понимать как строгое определение вместе с сопутствующими смысловыми коннотациями. Так, существуют определения онтологические, гносеологические, таксономические, а также определения как аналитические абстракции, и использование того или иного слова в каждом конкретном случае связано с рядом ассоциаций, требующих пояснений.

Можно указать, в частности, на распространённые эпитеты «оригинальный» и «старый», которые стали традиционными при упоминании исходной институциональной школы [Вольчик, Оганесян, 2014]. Смысловые коннотации как первого, так и второго прилагательного представляются неудачными. Первое слово представляет собой кальку английского «*original*» и призвано отражать «подлинность» этой школы, но на деле отсылает к её чужаковости или необычности. Второе намекает на нечто устаревшее, некоторую ретроградность, что уже само по себе вызывает определённую неосознанную реакцию, направленную на отстаивание права применять этот подход в настоящем, порождает сомнения в его современности. И действительно, вместо развития исследовательской традиции институциональной экономики учёные нередко занимают оборонительную позицию и едва ли не оправдываются за то, что следуют ей.

Важность чёткости текстов и чуткости к текстам, строгости научных понятий, преодоления засилья поверхностных мнений и фрагментарных суждений подчёркивал О. Иншаков [2007. С. 7]. В современной отечественной литературе по институциональной экономике — если говорить о сообществе профессиональных экономистов — проблематика «очищения терминов от последующих спекулятивных наслоений» [Верников, 2020. С. 4] пока не считается одной из центральных.

Области исследования

Институциональная школа изначально была ориентирована на решение социальных проблем. В зарубежной литературе, в том числе и современной, этот сюжет подробно раскрыт [Gruchy, 1947; Whalen, 2022]. Дж. Дьюи рассматривал философию как науку не спекулятивную, а инструментальную, то есть функционально полезную для решения практических проблем общества. Дж. Коммонс, опираясь на идеи Дьюи, развил онтологию конкретной предметной области — институциональной экономики — в полном соответствии с теми же принципами. Обеспечение основ для должного функционирования общества (*social provisioning*) происходит путём изменения определённых институтов (*institutional adjustment*), что происходит в результате разрешения тех или иных проблемных ситуаций. Фактически Коммонс настаивал на том, чтобы суждения об экономике основывались на получаемых опытным путём фактах, а в основе этого лежало его стремление перестраивания (*reconstruct*) капитализма таким образом, чтобы потребности масс удовлетворялись адекватнее [Gruchy, 1947. P. 157]. Другой представитель институциональной мысли, У. Митчелл, занимал схожую позицию, утверждая, что экономика, будучи функциональной наукой, имеет «социальную ценность», позволяющую человечеству легче решать различные экономические трудности. А оправданием для работы учёного служит мотивация улучшить, в конечном счёте, экономическую участь человечества [Mitchell, 1924].

Кредитному характеру современной ему экономики Дж. Коммонс отводит ключевую роль, причём настолько, что даже связывает с её широким распространением периодизацию экономической истории и возрастание роли институционального анализа [Gruchy, 1947]. Социально-экономические взаимодействия представляют собой трансакции, то есть отчуждение права собственности на объект со стороны одного участника и переход его к другому участнику. Трансакции описываются в терминах прав и обязанностей (*rights and liabilities*). В традиционной экономике момент отчуждения права совпадал по времени с моментом исполнения обязательств по нему, а вот по мере того, как кредитные отношения получали всё большее распространение, эти события оказались разграничены во времени. Между возникновением права (права требования, или актива) и соответствующего ему обязательства (долга, или пассива) возникает временной промежуток: все исполнение долгов как бы переносится в будущее. Именно это и создаёт риски разного рода ошибочных суждений и конфликта интересов между сторонами. Регулируют эти процессы те или иные институции. Как уже говорилось выше, Коммонс формулирует общеполитическое определение институции как коллективного действия по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия [Коммонс, 2012], а Ф. Майровски предложил описать её как «коллективную рациональность, направленную на достижение индивидуальной рациональности» [Майровски, 2013b. P. 85]. Ключевым в определении Коммонса является то, что институции не только ограничивают, контролируют, задают рамки тех или иных взаимодействий, но и, собственно, санкционируют (легитимизируют) взаимодействия, делают их возможными.

Банкиров Коммонс называл «специалистами по будущему» («*specialist in futurity*») [Gruchy, 1947. P. 228] и приписывал им ответственность за решения, принимаемые относительно выдачи кредита. Сами же деньги Коммонс рассматривал как институт фиксации долгов, возникающих в процессе трансакций, обращаемости этих долгов и освобождения от них. Причём создание, передача и погашение долгов представляет собой основное, первичное свойство денег [Commons, 1990].

А вот область данных и даже методологических принципов для институциональной экономики Джон Коммонс называл не область расчёта индивидуальной полезности, выгод и убытков и их дифференцирования (что служит стандартом для курсов микроэкономики), а область финансов, отражающую движение активов и пассивов взаимодействующих контрагентов, то есть динамику трансакций и перехода прав собственности.

Заключение

Основанные на философии прагматизма исследовательские практики, которых придерживались представители институциональной школы, были социально-ориентированными и направленными на решение прикладных задач общества. Количественные характеристики экономических взаимодействий служат важным индикатором изучаемых процессов, отражающим результаты этих процессов, указывающим на существование определённой исследовательской проблемы. Но одна лишь статистическая информация не может сформировать представления об источнике закономерностей, то есть институциях, породивших эту проблему. Выявление искомым институций осуществляется в ходе качественного исследования, обеспечивающего прямой контакт исследователя с изучаемыми процессами и подразумевающего интерпретативный анализ данных (включая выявление смыслов тех или иных правил, составляющих основу институциональных взаимодействий). Труды основоположников прагматизма стали предтечей конструктивистского подхода в гуманитарных науках и социологии, однако из экономической дисциплины исследовательские принципы и практики прагматистов оказались вытеснены.

Сегодня, как и во времена зарождения институциональной школы, учёные продолжают искать способы преодоления ограниченности магистральной экономической дисциплины, включая и попытки сочетания несочетаемых подходов и предпосылок (например, исходного и нового институционализма). Вместе с тем родоначальники институциональной школы как раз реализовывали настоящие междисциплинарные исследования, объединяя экономические, этнографические, правовые, социальные, культурные, исторические и этические стороны взаимодействий. Есть все основания полагать, что перенимание опыта институциональной школы способствует превращению экономической дисциплины в общественно полезную.

Понятие институции как укоренённой практики, состоящей из взаимодействий, взаимно типизированных их участниками, подчёркивание роли сообществ, означающее контекстную и историческую зависимость социально-экономических практик, может служить обоснованием полезности и функциональной роли региональных и местных исследований. Это особенно значимо для нашей страны, ввиду её огромного межрегионального и внутрирегионального разнообразия, а также на фоне повестки устойчивого развития (*sustainable development*), требующей достижения баланса в разных сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Верников А.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. №2. С. 25–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.
- Вольф М.Н., Косарев А.В. (2018). Риторический поворот основателей прагматизма // *Вестник Томского государственного университета*. №431. С. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/431/6.
- Вольчик В.В. (2003). Институционализм: вторичность нового мифа? (Возможности и пределы институциональной экономики) // *Экономический вестник РГУ*. Т. 1. №1. С. 126–134. DOI: 10.24412/2073-6606-2003-1-126-134.
- Вольчик В.В., Оганесян А.А. (2014). Зачем нужна старая институциональная экономика, если есть неинституционализм? // *Terra Economica*. Т. 12. №4. С. 79–90. DOI: 10.24412/2073-6606-2014-4-79-90.
- Гаррета Г. (2015). Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование // *Антиномии*. Т. 15. №3. С. 5–30.
- Дьюи Дж. (2000). *Демократия и образование*. — М.: Педагогика-Пресс.
- Ефимов В.М. (2016). *Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики*. — М.: Курс: ИНФРА-М.
- Иншаков О.В. (2007). Институты и институции в современной экономической теории // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 3: Экономика. Экология. №11. С. 6–21.

- Коммонс Дж. (2007). Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. №4. С. 59–70. DOI: 10.24412/2073-6606-2007-4-59-70.
- Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // Terra Economica. Т. 10. №3. С. 69–76. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economica. Т. 10. №1. С. 100–116. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-1-100-116.
- Майровски Ф. (2013а). Философские основания институционалистской экономики. Часть 1 // Terra Economica. Т. 11. №2. С. 82–93. DOI: 10.24412/2073-6606-2013-2-82-93.
- Майровски Ф. (2013б). Философские основания институционалистской экономики. Часть 2 // Terra Economica. Т. 11. №3. С. 72–88. DOI: 10.24412/2073-6606-2013-3-72-88.
- Мамедов О.Ю. (2003). Институционализм — приоритет вторичности? // Экономический вестник РГУ. Т. 1. №1. С. 116–125.
- Обдалова О.А., Левашкина З.Н. (2019). Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. №48. С. 332–348.
- Олейник А.Н. (2021). О возможных методологических основаниях прагматической экономической теории: Т. Байес и Дж. Дьюи // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 34–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_34_51.
- Пирс Ч.С. (2000). Избранные философские произведения. — М.: Логос.
- Расков Д. (2019). Риторика институционализма: ирония у Торстейна Веблена // Логос. Т. 29. №6. С. 253–274.
- Резерфорд М. (2012а). Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economica. Т. 10. №2. С. 32–53. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-2-32-53.
- Резерфорд М. (2012б). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economica. Т. 10. №4. С. 91–106. DOI: 10.24412/2073-6606-2012-4-91-106.
- Улановский А.М. (2006). Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Epistemology and Philosophy of Science. Т. 10. №4. С. 129–142.
- Фролов Д.П. (2021). Трансплантация экономических институтов: расширенная (постинституциональная) теория // Вопросы экономики. №9. С. 69–108.
- Commons J. (1931). Institutional Economics // The American Economic Review. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Commons J. (1934). Institutional Economics. — New York: The Macmillan Company.
- Commons J. (1936). Institutional Economics // The American Economic Review. Vol. 26. No. 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Forty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 237–249.
- Commons J. (1990). Institutional Economics. Its Place in Political Economy. — New Brunswick: Transaction Publishers.
- Dewey J. (1929). The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures. — London: George Alien & Unwin Ltd.
- Dewey J. (1939). Theory of Valuation // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. II. No. 4 / O. Neurath (ed.). — Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Frolov D. (2021). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach // Journal of Institutional Economics. Vol. 17. No. 1. Pp. 21–36.
- Goldkuhl G. (2012). Pragmatism vs interpretivism in qualitative information systems research // European Journal of Information Systems. Vol. 21. No. 2. Pp. 135–146.
- Gruchy A. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. — New York: Prentice-Hall, Inc.
- Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013). Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research. USA: SAGE Publications, Inc.
- Hodgson G. (2000). What is the essence of Institutional Economics? // Journal of Economic Issues. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329. DOI: 10.1080/00213624.2000.11506269.
- Hodgson G. (2004). Reclaiming habit for institutional economics // Journal of Economic Psychology. Issue 25. Pp. 651–660.
- Hodgson G. (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // Journal of Institutional Economics. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.
- Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World (2022). Ch. Whalen (ed.). — Routledge.
- Johnson R., Onwuegbuzie A. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // Educational Researcher. Vol. 33. No. 7. Pp. 14–26.
- Mitchell W. (1924). The prospects of economics / R. Tugwell (ed.) The Trend of Economics. New York: A.A. Knopf.
- Shiller R. (2017). Narrative Economics // American Economic Review. Vol. 107. No. 4. Pp. 967–1004.
- Stanfield J. (1999). The scope, method, and significance of Original Institutional Economics. Journal of Economic Issues. Vol. 33. No. 2. Pp. 231–255.
- Veblen T. (1922). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. — New York: B.W. Huebsch.

Курышева Анна Александровна

vesta11@list.ru

Anna Kuryшева

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Southern Federal University Rostov-on-Don

vesta11@list.ru

INSTITUTIONAL ECONOMICS: ADOPTING PRAGMATIST APPROACH

Abstract. This paper highlights the issue of the pragmatist underpinnings of institutional economics. John Commons stated that from social scientists' perspective the most significant characteristic of human conduct is its tendency to take on the form of habitual action. Pragmatist ontological stance views rules of action (habits) and beliefs underlying them as a result of past processes, historically and culturally located. Key definitions of institution, institute, going concern and community are discussed. Institution can be treated as an embedded socio-economic practice, habitualized and mutually typified amongst the members of certain communities, with commonly shared underlying beliefs and values. What governs the development of economic society is institutionalized practices, rather than immutable "natural" laws. It is not an individual self-interest but a binding force of customary collective action which holds economic society together, Commons argued. Socio-economic research involves identifying institutions and explaining them properly. Applying both qualitative and quantitative methods implies the discourse approach and interpretive analysis of empirical evidence. Being a philosophy of practical experience, pragmatist institutional economics adapts a functional view of intellectual activity and treats economic concepts in an instrumentalist way, with their role as reducing the problematic character and uncertainty which is an intrinsic feature of any investigated situation. The issue of definitions as taxonomic categories and as analytical abstractions is considered. Through fact-gathering and experimental activity, institutionalists sought to make economics a functional science, stemming from interrelatedness of the mind and the external world.

Keywords: pragmatist institutional economics, investigated situation, discourse analysis, institution, institute.

JEL codes: A11, A20, B52.

REFERENCES

- Commons J. (1931). Institutional Economics // *The American Economic Review*. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Commons J. (1934). *Institutional Economics*. — New York: The Macmillan Company.
- Commons J. (1936). Institutional Economics // *The American Economic Review*. Vol. 26. No. 1. Supplement, Papers and Proceedings of the Forty-eighth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 237–249.
- Commons J. (1990). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. — New Brunswick: Transaction Publishers.
- Commons J. (2007). Institutsionalnaya ekonomika [Institutional economics]. // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 5. No. 4. Pp. 59–70. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2007-4-59-70.
- Commons J. (2012). Institutsionalnaya ekonomika [Institutional economics]. // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 3. Pp. 69–76. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-3-69-76.
- Dewey J. (1929). *The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action*. Gifford Lectures. London: George Alien & Unwin Ltd.
- Dewey J. (1939). Theory of Valuation // *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. II. No. 4 / O. Neurath (ed.). — Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Dewey J. (2000). *Demokratiya i obrazovaniye* [Democracy and Education]. — Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.).
- Frolov D. (2021a). Transplantation of economic institutions: An extended (post-institutional) theory. // *Voprosy Ekonomiki*. No. 9. Pp. 69–108. (In Russ.).
- Frolov D. (2021b). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach. // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 17. No. 1. Pp. 21–36.
- Garreta G. (2015). Nauka, etika i obshchestvo: Dewey i pragmatistskoye issledovaniye-rassledovaniye [Science, ethics and society: Dewey and pragmatist inquiry] // *Antinomies*. Vol. 15. No. 3. Pp. 5–30. (In Russ.)
- Goldkuhl G. (2012). Pragmatism vs interpretivism in qualitative information systems research. // *European Journal of Information Systems*. Vol. 21. No. 2. Pp. 135–146.
- Gruchy A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. — New York: Prentice-Hall, Inc.
- Guest G., Namey E., Mitchell M. (2013). *Collecting Qualitative Data: A Field Manual for Applied Research*. — USA: SAGE Publications, Inc.
- Hodgson G. (2000). What is the essence of Institutional Economics? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329. DOI: 10.1080/00213624.2000.11506269.
- Hodgson G. (2004). Reclaiming habit for institutional economics. // *Journal of Economic Psychology*. No. 25. Pp. 651–660.
- Hodgson G. (2019). Taxonomic definitions in social science, with firms, markets and institutions as case studies // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–233.

- Inshakov O. (2007). Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii [Institutes and institutions in modern economic theory] // *Journal of Volgograd State University. Economics*. No. 11. Pp. 6–21. (In Russ.)
- Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (2022). Ch. Whalen (ed.). London: Routledge.
- Johnson R., Onwuegbuzie A. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come // *Educational Researcher*. Vol. 33. No. 7. Pp. 14–26.
- Mamedov O. (2003). Institutsionalizm — prioritet vtorichnosti? [Institutionalism — A priority of secondariness?] // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 1. No 1. Pp. 116–125. (In Russ.)
- Mirowski Ph. (2012). Fizika i “marzhinalistskaya revolyutsiya” [Physics and the “marginalist revolution”] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 1. Pp. 100–116. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-1-100-116.
- Mirowski Ph. (2013a). Filosofskiye osnovaniya institutsionalistskoy ekonomiki. Chast 1 [The philosophical bases of institutionalist economics. Part 1]. *Terra Economica*. Vol. 11. No. 2. Pp. 82–93. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2013-2-82-93.
- Mirowski Ph. (2013b). Filosofskiye osnovaniya institutsionalistskoy ekonomiki. Chast 2 [The philosophical bases of institutionalist economics. Part 2] // *Terra Economica*. Vol. 11. No. 3. Pp. 72–88. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2013-3-72-88.
- Mitchell W. (1924). The prospects of economics. In: R. Tugwell (ed.) *The Trend of Economics*. — New York: A.A. Knopf.
- Obdalova O., Levashkina Z. (2019). Ponyatiye “narrative” kak fenomen kultury i obyekt diskursivnoy deyatel'nosti [“Narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity] // *Language and Culture*. No. 48. Pp. 332–348. (In Russ.)
- Oleinik A. (2021). O vozmozhnykh metodologicheskikh osnovaniyakh pragmaticheskoy ekonomicheskoy teorii: T. Bayes i J. Dewey [On possible methodological foundations of Pragmatic Economic Theory: T. Bayes and J. Dewey] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 31–51. (In Russ.) DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_34_51.
- Peirce Ch. (2000). *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Collected Philosophical Works]. — Moscow: Logos Publ. (In Russ.)
- Raskov D. (2019). Ritorika institutsionalizma: ironiya u Torsteyna Veblena [The rhetoric of institutionalism: Thorstein Veblen's irony] // *Logos*. Vol. 29. No. 6. Pp. 253–274. (In Russ.)
- Rutherford M. (2012a). Viskonsinskiy institutsionalizm: John R. Commons i yego studenty [Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his students] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 2. Pp. 32–53. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-2-32-53.
- Rutherford M. (2012b). Polevyye, taynyye i vklyuchennyye nablyudateli v amerikanskoj ekonomike truda: 1900–1930 gody [Field, undercover, and participant observers in US labor economics, 1900–1930] // *Terra Economica*. Vol. 10. No. 4. Pp. 91–106. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2012-4-91-106.
- Shiller R. (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 4. Pp. 967–1004.
- Stanfield J. (1999). The scope, method, and significance of Original Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 33. No. 2. Pp. 231–255.
- Ulanovsky A. (2006). Konstruktivistskaya paradigma v gumanitarnykh naukakh [The constructivist paradigm in the humanities] // *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 10. No. 4. Pp. 129–142. (In Russ.)
- Veblen T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. — N.Y.: B.W. Huebsch.
- Vernikov A. (2020). How much substance is there behind the concept of ‘institutional trap’? // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12. No. 2. Pp. 25–37. (In Russ.) DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037.
- Volchik V. (2003). Institutsionalizm: vtorichnost novogo mifa? (Vozmozhnosti i predely institutsionalnoy ekonomiki) [Institutionalism: The second time for new myth? (Consequences and boundaries of institutional economics)] // *Economic Herald of Rostov State University*. Vol. 1. No. 1. Pp. 126–134. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2003-1-126-134.
- Volchik V., Oganesyana A. (2014). Zachem nuzhna staraya institutsionalnaya ekonomika, yesli yest neoinstitutsionalizm? [What is OIE needed for, if there is NIE?] // *Terra Economica*. Vol. 12. No. 4. Pp. 79–90. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6606-2014-4-79-90.
- Volf M., Kosarev A. (2018). Ritoricheskiy povорот osnovateley pragmatizma [The rhetorical turn of Pragmatism's founders] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*. No. 431. Pp. 47–53. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/431/6.
- Yefimov V. (2016). *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inaya metodologiya, istoriya i issledovatel'skiye praktiki* [Economic Science under Question: Another Methodology, History and Research Practices]. — Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)